

Новая сессия
-1998,
-9-15 марта
-с.15

Арефьева не любит, когда журналисты пересказывают ее биографию и на этой основе выстраивают свои умозаключения; она даже из Интернета попросила убрать всю личную информацию. Ее больше интересуют мнения о ее творчестве. Но песни Арефьевой при желании сможет услышать и оценить каждый, а вот узнать то, чем она живет, что ее волнует сегодня, задача не из легких даже для близких ей людей. И понять, почему после успешно начатого в 1995 году взлета Ольга почти не показывалась на публике, можно лишь после того, как раскроются некоторые подробности ее жизни...

— Оля, в 1995 году после долгожданного выхода в свет реггей-альбома «Батакакумба» у тебя и твоего «Ковчега» намечались отличные перспективы: ты съездила на гастроли в Германию, твои песни звучали на «Европе плюс», говорили, что ты подписала хороший контракт с «Райс-Мьюзик», нашей крупнейшей продюсерской фирмой. Почему же тебя «Райс» так и не провез по стране на самолете, как Киркорова?

— Я и не собиралась гастролировать. Когда мы заключали контракт с «Райсом», я им объяснила, что мне от них нужно: концерты, клипы, раскрутка — все это в мои требования к ним не входило. Мне нужно было записать альбомы — у меня столько накопилось песен, что они и на трех альбомах не уместятся. Но если все вышеперечисленное было ценой записи, то я соглашалась поиграть, не заигрываясь, в их игры. Но они нас обманули. По контракту «Райс» должен был обеспечить нас студией, организовать концерты, соответствующую рекламу. Мы же должны были работать только с ними. Если мы самостоятельно шевелились, предусматривались чудовищные санкции. А на то, что они для нас ничего не делают, санкции не предусматривались. В этом и был обман: они поимели наш альбом, в который «Райс» не вложил ни сил, ни денег, только выпустил его. А таких фирм, которые хотят выпускать готовое, — десятки. Плюс к тому «Райс» вернул в контракт пункт очень хитрый — я его вообще не заметила поначалу — о том, что права на альбом останутся у них на 25 лет, после расторжения контракта даже... Они, получилось, ничего фактически не сделав для нас, украли наш альбом. «Райс» взял нас измором. Если я была с ними в чем-то не согласна, они тянули время. Месяцами. Так было и со студией, которую они обязаны были нам предоставить, так получилось и с обложкой для альбома, которую сделал мне Сольми и которую я хотела, а «Райс» — нет. Они тянули с обложкой полгода, и в конце концов я махнула на нее рукой. Потом в студии «Монолит», которая должна была выпускать наши кассеты, — я их, кстати, так ни разу и не видела — обо мне говорили примерно так: «А, это та Арефьева, которая семь месяцев обложку не могла выбрать?..» А у меня этот вопрос изначально был решен! Я поняла не сразу, что пресловутый шоу-бизнес — это очень подлая вещь; туда человеку, который на самом деле хоть что-то собой представляет, соваться напрочь не стоит. В конце концов я как шла с самого начала без всяких «папики», так сама и пробилась к слушателю. Туда суются только те, кто согласен быть куклой в театре у карабасов-барабасов, они по-другому и не способны удержаться на плаву...

— Тот альбом состоял из твоей реггей-программы. Но ты вдруг перестала ее исполнять...

— Я два года не давала электрических концертов, это было мое волевое решение. Я не хотела стать предметом ка-

кого-то культа, не желала играть не в свою игру. Когда мне поднадоело реггей-песни, они, наоборот, вышли на пик популярности. И у меня началась борьба со слушателями: они — «реггей давай!», а я — «не хочу, мне неинтересно!». Именно в такие моменты есть искушение стать попсовиком, когда начинаешь врать себе, когда поешь то, чего в данный момент петь совсем не хочется.

— Может, ты просто перегорела на реггей? Его для тебя было слишком много, и ты устала?

Ольга АРЕФЬЕВА:

ОЧЕНЬ ПОДЛАЯ ВЕЩЬ — ШОУ-БИЗНЕС

Феномен Ольги Арефьевой и ее «Ковчега» не очень-то соответствует нынешним временам. Ее культовая популярность была бы понятна лет десять назад; в середине восьмидесятых все наши рок-исполнители находились в информационном вакууме и завоевывали слушателя не телеэкранами, а концертами и магнитоальбомами. Но чем объяснить тот факт, что каждый концерт Арефьевой сегодня — это без рекламы — аншлаг, это — явление, откровение? Самой личностью певицы? Ее запоминающимися песнями? Той энергией, которой Ольга делится со своими слушателями во время выступлений?..

— Нет, я не перегорела. Прошло два года, и я позволила себе это все сыграть, и мне снова все было в кайф. Просто в шоу-бизнесе ты должен делать то, чего от тебя ждут; у публики огромная инерционность. Это страшная вещь: ты делаешь альбом, и публика долго в него въезжает. А после того как она въехала... Тебе этот альбом уже неинтересен, а от тебя требуют именно этого: давай, давай!

— Это напоминает печальную историю с «Разлукой» НАУ: альбом был записан в 1986-м, врубился в него в 1988-м, и вплоть до 1991 года НАУ с ним катал по стране...

— Ты заметил, что они из-за этого и слодли? Они кончились тогда, когда стали играть не то, что хотели. Это — дорогая цена. Одно из двух: либо ты играешь на потребу даже изначально хорошую свою музыку, но цена этому — творческий застой и незаметное умирание. Ведь музыкант или поэт — субстанция тонкая, на него не надо давить... А другая цена — ты играешь что хочешь, но публика от тебя постоянно отстает. Это тоже очень дорогая цена. Надо выбирать — что ты хочешь и сколько ты готов за это заплатить...

— Давай поговорим о твоих песнях. Известно, что ты

обучалась музыке и вокалу, а как обстояли дела на поэтической ниве?

— До 1990 года я практически не писала стихов. Мне просто не приходило в голову, что это возможно. А желание писать музыку у меня уже было. Поэтому я искала тексты по библиотекам и очень скоро нашла свое. Почему-то к моим эмоциям очень подходила не русская классика или что-то типа этого, а переводная, в основном латиноамериканская поэзия. После полка с этими книгами я выработала в себе такой взгляд: открываю страницу и вижу — светится она или нет. Я пролистывала книги, делала закладки. Потом перечитывала, выписывала понравившееся. Получилась такая общая тетрадка, которую я перелистывала вперед и назад по сто раз. Вот песня «Дуб зеленый», которая выглядит как русский фолк, как раз вышла таким образом: стихотворение — перевод со старославянского, музыка — моя... Короче, я не училась специально поэзии, я просто искала тексты.

— Извини за банальный вопрос: что для тебя первичнее — музыка или текст?

Но я не согласна быть куклой в театре у карабасов-барабасов

Фото Ольга БЕЛИКОВА

— Не знаю... На самом деле это одно и то же. Цель поэта — выявить идеальное соответствие слов и ритмических изгибов музыки, идеальное соответствие эмоциональному состоянию в момент написания текста. Яркий антипример: группа «Квартал». Они поют: «Ах ты гадкий, ах ты грязный, неумытый поросенок...» Это великий текст, но сюда он не подходит. На этом месте могло быть что угодно. Это искусственно и выморочено, безэмоционально. Это — симптом.

— Они считаются крепкими профессионалами...

— Люди покупаются на этом. На самом деле существует один критерий, по которому можно оценивать: живая или нет группа или исполнитель. Есть ли сила, энергия в ней. Как, скажем, у Агузаровой: в ее голосе, в ее песнях есть что-то такое мощное, что заставляет слушать ее и трепетать, что бы она ни пела, даже ерунду.

— А кто еще, кроме Агузаровой, тебе нравится?

— Как правило, девяносто процентов музыки, которую я слушаю, интересуюсь, — это поющие женщины. Они мне интересны как сестры по цеху, даже если они меня таковой не считают. Момент детского

восхищения Бичевской или Пугачевой давно пройден. Иногда я могу спеть так же, я могу лучше, но интерес к певцам существует; просто он не зрительского характера. Вот в марте мы в третий раз будем проводить фестиваль «Поющая Я», там только девушки будут петь. Это те, кто сегодня вызывает у меня максимум интереса и эмоций, с которыми мне хочется дружить, общаться, кому хочется помогать или, наоборот, у кого можно поучиться. Если я перечислю, кто приглашен на фестиваль, можно будет понять, кто, на мой взгляд, дос-

тоин внимания. Это и Инна Желанная, и Рада, и Катя Мессершмидт, и кое-кто из молодых. Все они — личности. Вообще когда музыкантов спрашивают, слушаете ли вы друг друга, они отвечают «да», но любимыми все равно называют некие вершины. А нынешний общий уровень — он скорее интересен обычному слушателю, не профессионалу. Тех, кто был откровением, их в цивилизации не так уж и много...

— Дай, пожалуйста, свои примеры.

— Луи Армстронг, «Лед Зепелин», «Кинг Кримсон» — каждый открыл дверь, в которую ринулись все остальные... Из свежих, пожалуй, лишь «Нирвана» смогла сделать нечто подобное.

— И последнее. Каким ты видишь свое ближайшее будущее?

— Буду писать песни, исполнять их, записывать, если получится, на альбомы. Я поняла, что моя свобода — очень дорогая для меня вещь, и я хочу сохранить ее в дальнейшем. Я хочу остаться независимой и надеюсь, что мои слушатели меня поймут.

● Константин ЕЛГЕШИН